

Свободный рынок времен застоя

Сергей ЮРСКИЙ

Настоящий мужчина должен торговаться. Тот, кто соглашается на первую названную цену, есть либо дурак, либо слабак. Первая цена — это как «здравствуйте!», и тот, кто на нее сразу соглашается, фактически на «здравствуйте!» отвечает «до свидания!», а это уже хамство. Тебя пригласили к разговору? Ну и разговаривай! Будь человеком!

Сколько? — 85! — А чего так? Я вчера такие же видел по 60. — По 60???

Где это? — На Энгельса. — Ну, сказал! Это возле Дома Моряка, что ли? Так там же летние, без второго слоя. За них и 60 много. Они на Башиловке идут. А у меня — это другой товар. Вы в руки возьмите, пощупайте! Чувствуете? — Чувствую. Но все равно, 85 — это не цена!

А сколько? Ну, сколько?

Вот это разговор! Неважно, чем кончится, важно, что завязалось. Это для шлифовки мастерства. Чтобы кровь не застывалась.

А бывает и другое — бывает страсти!

Боба повел меня на самый край финского городка Турку.

«Хочу кожан! Хочу кожаную куртку. Мотоциклетную. На металлических застежках», — так говорил он подряд несколько дней. Говорил, как бредил: глаза смотрели в пустое пространство, руки машинально привычно рисовали в воздухе предмет — куртка короткая, рукава широкие, воротник высокий, застежки — кнопки и молнии.

Мы шли уже час. А может, и больше. Ноги пооббивали о камни порядком. Но что поделаешь, такая ситуация и привычка такая — транспорт у них больно дорогой, приходилось и на трамвае экономить.

Магазин занимал низ двухэтажного облупившегося домика. Рыжий широколицый хозяин толковывал что-то понурому старику — может, отцу, а скорее — тестю. Звякнул дверной колокольчик — это мы вошли с Бобой. Хозяин не сразу обернулся, а когда обернулся — буквально вспыхнул. Щеки и лоб налились красным цветом, глаза сверкнули радостной злобой. Они оба закричали сразу — и Боба, и рыжий финн.

— Здорово, фашистара! — орал Боба. — Насосался пива, чухонская твоя рожа! Гутен морген! Ага, понял? По-немецки сразу

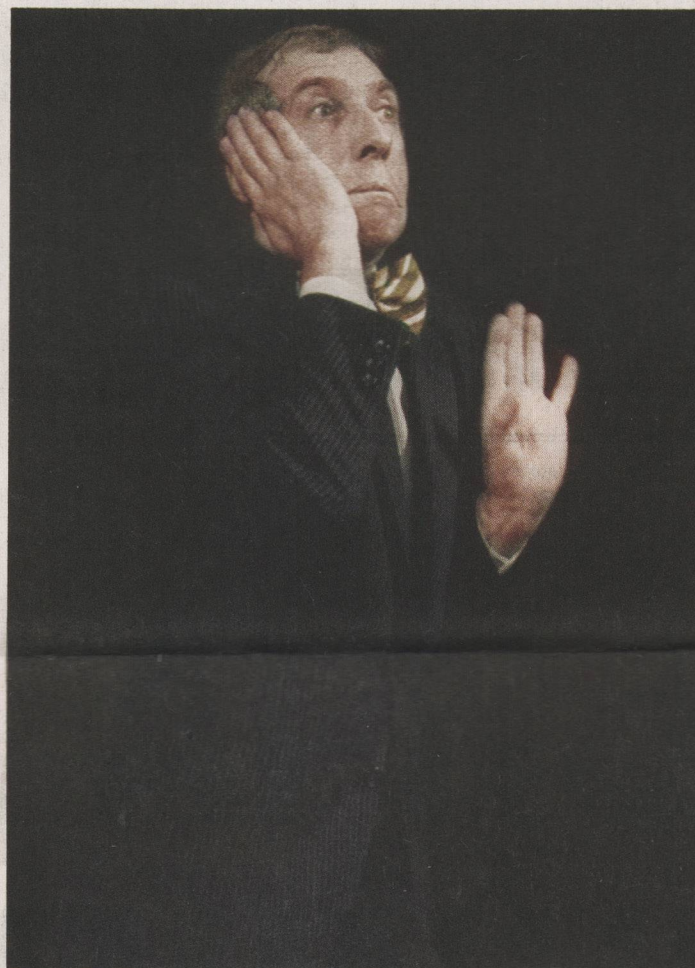

Фото из архива

понимаешь, а по-русски хренушки. Надо же, какую морду отразил! Гутен морден! Ага!

При этом он радостно тряс хозяйскую руку. А толстолицый хозяин, может, меньше слов говорил, но тоже орал. И слышалось среди финского распева и «сп-аа-сиба», и «давай, давай, работай». В общем, сразу видно, старые друзья.

«Куртку давай!» — оборвал приветствия Боба. Финн сразу понял и безошибочно стянул с вешалки из массы похожих ту самую — вожденную, мотоциклетную.

— Во, сынок! — Боба напялил на себя куртку. — Видал? Сегодня я ее куплю. Я его обломаю. Смотри! — крикнул он хозяину. — У тебя тут рукав потертый. Она ношенная, что ли? Ты, оказывается, старьевщик, а? Second hand, а?

— No, no! — закричал толстолицый. — No second hand! Das ist gut! New!

— Но рукав-то тертый. Папа-

ша, глянь объективным глазом — тертый рукав?

— Тесть беззвучно открывал рот и мотал головой непонятно — то утвердительно, то отрицательно.

— Сынок, ты посмотри — ну тертый же! Нет, это не пойдет. Давай другую посмотрим.

Смотрели, надевали — и на Бобу, и на меня, и на тестя. Сам хозяин не подходил по размеру. Не меньше десятка разных перемеряли. Но все время возвращались к той, первой. И опять надевали, и рукав сплюнявили, и к окну подносили, к свету ближе — все спорили, потеряла или нет.

— Ладно, все! Пусть потеряла — сделаешь скидку, возьму твой second hand. Сколько? Wifil? Только не как вчера. Ты нормальную цену называй. Ты привык тут лапошить всяких миллионеров... португальских... А я твой сосед, понял? Сосед! Ленинград и Турку близнецы и братья! Понял? — Боба потер указательные пальцы друг о друга. — Братья! Ну? Wifil?

— Куппала — пуппала, — сказал финн.

— Не куппала — пуппала, а пиши! На бумажке пиши. Сколько? Рыжий написал и повернул бумажку к Бобе: 800.

— Ты опять за свое? — завопил Боба. — Пойдем отсюда, сынок. — Боба сделал движение к двери, но финн ухватил его рукав, притянул к прилавку. Зачеркнул 800 и написал: 750

— Что? — закричал Боба. Он выхватил из толстых пальцев хозяина толстый карандаш, зачеркнул толстой чертой 750 и жирно написал: 27

Глаза рыжего налились кровью. Он взвыл на октаву выше, чем раньше, и со страшной скоростью понес непонятные слова. Потом схватил карандаш и несколько раз перечеркнул жуткую цифру 27.

720 — написал он.

Боба написал: 29.

700 — 31.

690 — 32.

680 — 33.

690 — 33.

18 — написал Боба.

Финн порвал бумажку и повесил куртку на место.

«Слушай, как тебя... Тойво! Социализм — слово знаешь? Социализм, Ленин? Знаешь? Ленин, социализм, СССР? Знаешь? Так вот, я тебе устрою социализм здесь. Я тебе его сюда принесу... на штыках. Понял? У тебя будет социализм, и тогда ты меня вспомнишь».

— Боба, ты с ума сошел, — зашептал я. — Пойдем отсюда.

— Пойдем. Но я ему пообещал. А что пообещал, сделаю.

— Давай, давай, работай! — сказал финн и сделал жест рукой нам на выход.

— Царь! Знаешь, Тойво, — царь! Николай цвай! Он правильно вас держал. А Ленин отпустил. И вы теперь думаете, что бога за бороду схватили? Вы окраина России, и все. И больше ничего. Окраина! Понял, Тойво?

— Nischt Тойво. Их бин Эрик! — финн ткнул себя пальцем в грудь. — Эрик!

— Эрик. Херик! — сказал Боба и вышел из магазина.

— Зачем тебе эта куртка? Зачем мы сюда пошли? И мне-то зачем это надо? — бубнил я.

— Ничего, сынок, я к нему завтра заеду. Возьму с собой Володку, мы его дождем. Вот трамвай, поедом, хрен с ними с деньгами, ноги отваливаются.

— Ээка — майя! — донеслось сзади. Финн стоял на пороге магазина и махал рукой.

— Чего машешь? Чего машешь-то? Раньше махать надо было — сказал Боба. — Идем, сынок, не оборачивайся.

— Сзади затопали ноги. Мы надали. Стало слышно сопение за спиной.

— Корка мутта, — сказал финн примирительно.

Мы снова поплелись в магазин. Боба надел куртку. По моему виду у него в этой куртке был дурацкий. Но сам себе он очень нравился. И широколицый выдавил из себя: «Харра-а-шее». Потом он крикнул, ухнул, покрутил головой и написал на бумажке: 380.

Я глазам своим не поверил. В семью он, что ли, Бобу взять хочет, усыновить? Это уже не скидка, а царский подарок.

— Ой, мамо! Ой, мамо! — закричал Боба и написал:

73.

380 — 100.

380 — 112.

380 — 150.

380.

— Эрик, у тебя дети есть? Дети? Сын есть? — мягко спросил Боба, но Эрик не понял. — Киндер есть?

— А, ja, ja!

— Такой, такой? — Боба показывал от земли 40 сантиметров, метр, метр тридцать...

— Ja! — сказал Эрик. — Таакой! — и показал метр.

— С таким жмотом папашей на хрен ему жить на свете! — заорал Боба. — Ну, на хрен ему гнить среди этих курток second hand, которые все равно никто не купит? Как зовут твоего киндера? Шмерик? Шмерик Эрикович?

Я выскочил из магазина и побежал к трамвайной остановке.

Вечером после спектакля Боба позвонил мне в номер и спросил, не осталось ли у меня сыру.

— Зайди ко мне, сынок, и возьми сыру, если не жалко.

В комнате сидели Боба, его сожитель по номеру Володя Хозин и... счастливый улыбающийся Эрик... Боба был в кожаной куртке. На столе стояла «Столичная».

— Садись сынок, — сказал Боба. — Обмоем это дело. Хорошая куртка, а? Рукав только потертый. Ну, ладно, это незаметно. 152 монеты отдал. Но не жалко. Правда, хорошая куртка? Ну... у всех налило? За дружбу!

20 июля 1997,
ABERDEEN, Scotland

Юрский Сергей
6-19. 11. 1997

107